

Фонетическое значение как реализация семантики возможных миров

Смысловой аспект естественного языка и проблемы семантики возможных миров рассматриваются, как правило, в философии и логике, но не менее актуальны и для лингвистики.

Полученная в процессе когнитивной деятельности информация об универсуме, понимаемом как «сосуществование «мира вне меня» и «мира во мне» во всей сложности их взаимодействия» [1] находит отражение в лингвистическом универсуме (языке).

Язык представляет собой многоуровневую иерархическую систему, где взаимосвязаны как сами уровни, так и все их элементы. Но система – это не только то, что реально существует в языке, но и все то, что может быть в нем создано. Системный характер языка проявляется не только в его реализованных возможностях (языке-реальности – лингвистически выраженной части универсума), но и в языке-потенции, который представляет собой «распространение действия системности языка, выведенного из универсума, на все, даже еще не существующие лингвистические факты» [2] и соответствует лингвистически не выраженной части универсума. Вся совокупность теоретически возможных лингвистических образований, выраженная в языке-реальности и предполагаемая в языке-потенции, представляет собой семантику возможных миров.

Семантика возможных миров системно реализуется на всех уровнях языка. Один из аспектов проявления семантики возможных миров на уровне фонетики – звуковая содержательность слова, или его фонетическое значение.

Теория содержательности звуковой формы языкового знака (фоносемантика) – сравнительно новая область лингвистики, рассматривающая языковой знак в аспекте взаимоотношений его формы и содержания.

Выделяется три типа мотивированности языкового знака: лексическая (семантическая), грамматическая (морфологическая) и фонетическая.

Фонетическое значение связано со способностью мозга устанавливать условно-рефлекторные связи между предметом (действием) и связанными с ним звуками. В результате осознания этой связи звук приобретает способность замещать собой предмет (становится его символом). Оценка явлений окружающего мира переносится и на звуки, сопровождающие эти явления. Символическое значение звуков, возникающее таким образом, переносится и на звуки, произносимые человеком

В связи фонетического значения с лексическим можно выделить два аспекта, два вида символизма. Один – универсальные связи, символизм, основанный на естественной аналогии, второй – символизм, обусловленный звуковым строем, спецификой конкретного языка.

Во всех языках вокальные звуки оцениваются как «хорошие», а консонантные – особенно глухие, шумные – как неприятные. С грубостью, жестокостью, силой ассоциируются недиезные звуки. Диезность же, непрерывность, вокальность соответствуют нежности, мягкости, слабости. Противопоставленные во всех языках признаки: прерывность – непрерывность, консонантность

– вокальность, компактность – диффузность связываются с представлениями о быстром – медленном.

В разных языках звукам **и**, **е** соответствуют представления о большом, а звукам **а**, **о**, **у** – о маленьком.

Для говорящих по-русски звук **а** воспринимается как что-то «хорошее, большое, мужественное, светлое». Звук **ф** – «плохой, грубый, темный, пассивный, отталкивающий», **щ** – «горячий» звук, **р** – «холодный».

При восприятии фонетической содержательности прослеживается общая тенденция: оценка звука зависит от его частотности в родном языке. Поскольку частотные звуки более обычны, более приемлемы для говорящего, он склонен чаще употреблять в речи «приятные» звуки и избегать «неприятных».

Снижение частотности звука может быть обусловлено диахроническими изменениями в языке, что неизбежно отражается на фонетической мотивированности звука, утратившего высокую употребительность. Происшедшее в русском языке смягчение заднеязычных (Киев-Киев), вытеснение именительного падежа (бры-бров), изменение окончаний прилагательных (мягкий-мягкий), вызвали снижение частотности **ы**. В результате, в сравнении с более частотным **и**, звук **ы** стал восприниматься как «неприятный».

При оценке русских звуков иноязычными информантами (представителями языков славянской, балтийской, германской и романской групп) наблюдалась универсальность фонетической символики (гласные оценивались выше, чем согласные, оценка согласных понижалась с увеличением шума). Но вместе с тем звуки **ж**, **ш** поляки оценивают выше, т.к. в польском языке много шипящих; **с**, **ш**, **ж** литовцы воспринимают лучше, чем русские, т.к. эти звуки часто встречаются в литовской речи. Звук **х'** оценивается как «неприятный» носителями всех перечисленных языков.

Символизм, основанный на фонетической специфике родного языка, связан и с соотношением исконной и заимствованной лексики и резко отличается от языка к языку. Слог **кю**, вошедший в русский язык с французскими заимствованиями, сопровождается коннотативным значением: «изящный, связанный с парфюмерией», сочетание **фе** в словах византийского происхождения, прошедших народную обработку (Фекла, Федор), носит оттенок простоватого.

Фонетическое значение звука можно охарактеризовать не только по признакам, входящим в указанные выше группы оценки, силы и подвижности, но и по цвету. В сонете А. Рембо «Гласные» [3] представлена символика звукоцвета, гласные соотносятся с цветовыми образами. Сопоставим это восприятие с результатами теста по определению цвета гласных звуков, описанного Журавлевым В.А., где в качестве информантов выступали говорящие по-русски (табл.).

Таблица

Восприятие гласных звуков

Гласные	Результаты теста	А.Рембо
А	Густо-красный	Черный
Я	Ярко-красный	–
О	Светло-желтый или белый	голубой
Е	Зеленый	белый
Ё	Желто-зеленый	–
Э	Зеленоватый	–
И	Синий	«пламень пурпура»

Восприятие цвета резко отличается, приблизительно совпадает лишь значение одного звука – **у**. Если рассматривать автора как носителя французско-

го языка, то приведенные данные подтверждают национальную специфику фонетического значения, в том числе и «цветовой» его аспект. Но поскольку приведенные в правом столбце данные взяты не из среднестатистических результатов тестирования говорящих по-французски, а из поэтического текста, то возможно допустить и сугубо индивидуальное восприятие цвето-звуковых соответствий.

Фонетическое значение обладает национальным и межъязыковым компонентами, универсально и одновременно глубоко специфично и индивидуально, – следовательно, представляет собой реализацию семантики возможных миров.

Форма знака всегда несет в себе информацию, она является способом существования содержания, способом его выражения. Лексический и фонетический аспекты слова вступают во взаимоотношения: содержание стремится приспособить форму к себе. В результате такого взаимодействия внутри двуединства языкового знака устанавливается соответствие.

Форма языкового знака (звуковая оболочка слова, содержащая его фонетическое значение) обусловлена, мотивирована его содержанием (лексическим значением). Фонетическая содержательность соответствует лексическому значению слова, звуковой и семантический аспекты слова взаимосвязаны, взаимно тяготеют к соответствию. Такое взаимодействие в пределах двуединства языкового знака проявляется в сдвиге семантики слова в сторону его фонетического значения. Это взаимовлияние звучания и значения слова представляет собой реализацию семантики возможных миров. Можно выделить следующие аспекты проявления семантики возможных миров в фонетической содержательности слова.

1. В результате взаимовлияния звуковой и содержательной сторон слова может происходить *сдвиг семантики слова в сторону его фонетического значения*.

Из трех наименований хищных птиц: **сокол, ястреб, коршун** – А.С. Пушкин использовал в «Сказке о царе Салтане» последнее – слово, называющее самую безобидную из трех этих птиц, но обладающее фонетическим значением: «темное», «страшное».

Из двух синонимов: **лягушка и жаба** – последнее слово, в силу его негативной фонетической характеристики, чаще используется с отрицательным коннотативным значением.

2. *Фонетическим значением может быть обусловлена ложная мотивировка незнакомого слова, приписывание ему несвойственного лексического значения.*

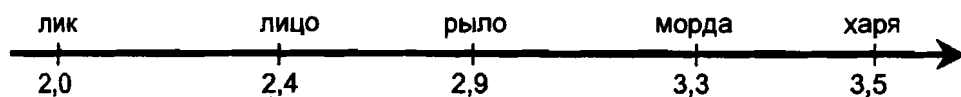
Поскольку познавательная деятельность человека ограничена, его знания о мире неполны, мозаичны. Эта неполнота выражается как в языке конкретного индивида, так и в языке сообщества. Языковые системы всех людей взаимно пересекаются и дополняют друг друга, но никогда не совпадают. Сталкиваясь с неполнотой на любом уровне, носитель языка создает недостающие элементы системы. В большинстве случаев в основе деятельности такого рода лежит языковая аналогия как проявление системности языка.

Встречаясь с необходимостью объяснения лексического значения незнакомого слова родного языка, носители языка (чаще – дети) используют фонетические аналогии, опираются на звуковую содержательность слова. Тот же принцип используется и для истолкования слов из узкой предметной области, малоосвоенных заимствований.

Звуковое значение используется и для лексической мотивировки незнакомых слов чужого языка. Опираясь на звуковую символику родной речи, итальянец приписывает польскому слову **czeleczyna** значение: «красивая, веселая девушка» на основании аналогий **Чиполлино, Феличита**.

3. Как правило, стилистические характеристики слова соответствуют его звуковому значению.

В результате проведения эксперимента слова: **лик, лицо, морда, рыло, харя** расположились по шкале «красивый – отталкивающий» следующим образом [4]:

При расположении слов по этой шкале была сохранена их стилистическая иерархия.

В случае несоответствия звуковой и содержательной сторон слова происходит *смещение стилистических характеристик слова в сторону его фонетического значения*, что произошло со словами: **бугай, рыло**. Причем в этих словах стилистический сдвиг сопровождается метафорическим переносом значения.

4. Частотность, употребительность слова находятся в связи с его фонетической мотивированностью. Но взаимодействие звучания и значения слова, рассматриваемое в синхронии, может быть различным: от полного соответствия до резкого противоречия. В словах: **яд, лесть** – «приятное» значение не соответствует семантике. Такая энантиосемия внутри языкового знака как бы изображает отношения между формой и сутью называемых явлений.

Тенденция фонетической мотивированности проявляется в том, что *отношения между формой и содержанием слова влияют на его функционирование*: гармония формы и содержания повышает употребительность слова, противоречие же между звучанием и значением затрудняет его функционирование, снижает частотность употребления.

Равновесие между звуковой и содержательной сторонами слова может нарушиться в результате развития языка, но вскоре вновь начинается тяготение к их взаимному соответствию. В древнерусском слове **унош** существовала гармония между его фонетическим и лексическим значениями, современное же слово: **юноша**, обладающее фонетическими характеристиками: «нежный», «женственный», «слабый» малоупотребительно в речи, чаще заменяется сочетанием: **молодой человек** – менее удобным для употребления, но обладающим более соответствующей значению звуковой формой. По той же причине, в связи с более подходящими фонетическими характеристиками, чаще употребляется обращение **девушка**, чем **женщина**.

При отсутствии фонетической мотивированности слово может совершенно выйти из употребления, перейти в разряд устаревших. Так, например, из двух названий белки: **белка** (белая) и **векша** (рыжая) удержалось фонетически мотивированное – **белка**, причем даже с потерей семантической мотивировки.

5. Фонетическое значение слова находится в прямой связи с его употребительностью. Языковое сознание избегает неприятных в звуковом отношении слов или слов, содержащих «неприятные» (редко употребляющиеся) звуки. Поэтому происходящие в диахроническом плане изменения частотности звуков (звук становится малоупотребительным, следовательно, «неприятным») неизбежно отражаются на употребительности содержащих эти звуки слов. *Изменение звукового значения слова влечет за собой изменение его частотности*.

Чуждые по звуковому составу неологизмы или заимствования неохотно воспринимаются языковым сознанием, проходят долгий период освоения, что формально выражается в словообразовательной непродуктивности (или полном отсутствии дериватов) и низкой частотности. Слова с «неудачным» фонетическим значением могут вообще «не прижиться» в языке.

На существующие в языковом сознании представления о «хороших» вокальных и «неприятных» консонантных звуках в первую очередь, и на фонетическую мотивировку вообще, часто опираются детские писатели (например, у Чуковского: *Корморан, Блендербор* – имена великанов, *Убзика, Бардадым* – «страшные» персонажи).

Авторские или общеязыковые неологизмы обычно создаются на базе семантико-морфологической мотивировки. Фонетическое же значение выявляется в дальнейшей судьбе слова.

Семантику возможных миров, проявляющуюся в фонетическом значении, необходимо учитывать при номинации, при создании новых наименований-аббревиатур. Принимая во внимание латентное присутствие фонетического значения в поэтическом тексте и национально – языковую звуковую символику, необходимо учитывать звуковую содержательность стихотворений при художественном переводе с одного языка на другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов В.А. Язык как система. Мн., 1992. С. 37.
2. Лаурененко А.В. Полнота/неполнота лингвистического универсума на разных уровнях. Дисс. канд. филол. наук. Мн., 1993. С. 22.
3. Рембо А. Стихотворения. М., 1988. С. 151.
4. Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1991. С. 48.

S U M M A R Y

The linguistic aspect of the semantics of the possible worlds is a new, little investigated field of knowledge.

The semantics of the possible worlds is realized on all language levels, one of the aspects of its realization on the phonetic level is the sound meaning of a word. This aspect is observing in this article.

Поступила в редакцию 10.09.2001

УДК 808.2.6

Н.Ю. Паўлоўская

Мадальнасць магчымасці ў сучаснай беларускай мове

Важнай часткай таксанамічнай работы, накіраванай на пабудову беларускай моўнай карціны свету, з'яўляецца разгляд мадальнай катэгорыі магчымасці: устанавленне яе кагнітыўнай структуры, эксплікацыя і інтэрпрэтацыя саставу мадальных адзінак на лексічным, марфалагічным, сінтаксічным, кансітуацыўным узроўнях, арыентаваныя на заканамернасці і правілы іх функцыянавання ў выказванні.

Магчымасць у філасофіі – гэта аб'ектыўная тэндэнцыя станаўлення прадмета, якая выражаецца ў наяўнасці ўмоў для яе ўзнікнення [1]. Паводле Арыстоцеля, усе суджэнні падзяляюцца на праблематычныя – суджэнні магчымасці, асертарычныя – суджэнні рэчаіснасці, ападыктычныя – суджэнні неабходнасці [1, с. 88]. У сваю чаргу І. Кант усе палажэнні аб мадальнасці трактаваў як «паняцці магчымасці, рэчаіснасці і неабходнасці ў іх эмпірычным прымяненні» [2].